

УДК 821.161.1-31.

Т.И. Соловьева

**ПРОБЛЕМА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В «МАРИНЕ ИЗ АЛОГО
РОГА» Б.М.МАРКЕВИЧА И «ДВОРЯНСКОМ ГНЕЗДЕ»
И.С.ТУРГЕНЕВА**

Проблема «лишнего человека» была предметом острой полемики во второй половине XIX века. Отношение к проблеме носило противоречивый и неоднозначный характер. Если в начале своего появления «лишний человек» – это человек деятельный, то постепенно он утрачивает свою активность.

В.Г.Белинский объяснял пассивность «лишних» людей «внешними обстоятельствами – воспитанием и средой» [2,с.109]. А.И.Герцен видел бездеятельность «лишних людей» в «излишнем романтизме» и «неблагоприятных обстоятельствах жизни» [2,с.111]. Для Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова несостоятельность «лишних людей» коренилась в их «принадлежности к дворянской «семье» [1,с.22].

Проблема «лишнего человека» в романах Б.М.Маркевича «Марина из Алого Рога» и «Дворянское гнездо» И.С.Тургенева поднимается в статье А.И.Батюто «Антинигилистический роман 60 – 70-х годов». Батюто отмечал связь, существующую между произведениями И.С.Тургенева и Б.М.Маркевича. Так, он указывал на сходство отдельных сцен, созданных двумя русскими писателями, и видел в этом желание Маркевича «окутать свой роман тургеневской атмосферой быта и психологии культурных дворянских гнезд» [3,с.310]. Исследователь сравнивал Завалевского с Лаврецким, акцентируя внимание на смирении обоих, осознании бесполезно прожитой жизни. По его мнению, Завалевский, в отличие от Лаврецкого, более счастливый человек, оптимист, убежденный в своей миссии «по оздоровлению политической и культурной жизни страны» [3,с.310].

«Лишние люди» Маркевича не считали себя таковыми и не хотели «примириться с утратой своего былого значения», тогда как у Тургенева они «уступали дорогу молодому поколению» [3,с.310]. Батюто не акцентирует внимания на переживаниях «лишних людей», их внутреннем мире, его интересует «тенденциозная субъективность» Маркевича.

Таким образом, проблема «лишних людей» в «Марине из Алого Рога» и «Дворянском гнезде» требует всестороннего исследования.

И.С.Тургенев и Б.М.Маркевич рассматривали социальные причины появления «лишнего человека», не придавая им первостепенной значимости. Оба писателя обращали внимание на воспитание представителей дворянства и внешние условия формирования их личности. Лаврецкого воспитывали как «спартамца», запрещали заниматься музыкой, естественными науками, международным правом и другими предметами: «система сбила с толку мальчика, поселила путаницу в его голове, притиснула ее <...>» [7,с.40].

Лаврецкому внушили презрение к женщинам, заставили казаться «равнодушным, холодным и грубым» [7,с.40]. Тургенев сочувствовал своему герою, заглядывая в самые тайные уголки его внутреннего мира: «Горе сердцу, не любившему смолоду!» [7,с.39]. «Капризное воспитание» способствовало формированию замкнутости героя, Лаврецкому было тяжело «сходиться с другими людьми» [7,с.43]. В романе Маркевича основу воспитания Завалевского составили два понятия: «родина и свобода» [5,с.32]. Дядя привил племяннику любовь к чтению, с особенным вниманием Завалевский читал книги по русской истории. Константин Владимирович не сомневался в успешности обучения племянника в университете, но предупреждал о суровых испытаниях, которые могут встретиться на его пути: «Света ищи, к свету веди, если сможется.... А нет, – что же делать? Во мрак ты не пойдешь, – уходи! Только ко мне не обращайся, не требуй советов, – я не отвечу!»... [5,с.33].

Маркевич поднимал вопрос о распространении в 60-е годы нигилизма в России, проповедуемого революционно-демократическим лагерем. Причины трагедий «лишних людей» он видел в духовном упадке сил и потере энтузиазма представителей дворянства как следствия столкновения с нигилистами.

Как и Тургенев, Маркевич указывал на эгоцентризм представителей дворянства. Лаврецкий в начале своего самостоятельного жизненного пути был оторван от насущных проблем общества, бед народа, эгоистически преследуя свои собственные цели. Тургенев обрек героя на одиночество, чтобы он смог переосмыслить свою жизнь: «На женскую любовь ушли мои лучшие года, – продолжает думать Лаврецкий, – пусть же вытрезвит меня здесь скука, пусть успокоит меня, подготовит к тому, чтобы и я умел не спеша делать дело» [7,с.65].

Завалевский также пережил трагедию в личной жизни, столкнувшись лицом к лицу с действительностью. Не думая долго о личном горе, он продолжал вести активную общественную деятельность: «Завалевский бежит, алча свежего воздуха, куда-нибудь к Пяти Углам, в тесный литературный кружок, или на чиновничью сходку<...>» [5,с.33]. Показывая стремление Завалевского действовать во благо народа, автор подчеркивал осознанное чувство ответственности перед народом у лучших представителей дворянства. Маркевич с сожалением отмечал, что герой в литературном кружке столкнулся с бесконечными спорами, лишёнными искренности и знания, «с избытком самонадеянности и желчи, что так присуще Петербуржцу, изворотливой диалектикой и жидкой культурой, презрением к истории, к преданиям быта <...>» [5,с.33]. На примере Завалевского писатель срывал маску с нигилистов и показывал, что члены литературных кружков не смогут «зажечь свет» в жизни народа [5,с.33]. Маркевич отмечал революционную направленность литературных кружков, поскольку либерализм – «деревянный» и бесполезный, утративший истинный смысл, был не в состоянии управлять обществом. Именно поэтому там презирали Завалевского как «аристократа» и «идеалиста».... [5,с.33]. Внутренний потенциал Завалевского не реализован, его

постигает разочарование и осознание своего бессилия в сопротивлении окружающей действительности. Как и Лаврецкий, Завалевский испытывал неприязнь к столичной праздности, с каждым днем ему ненавистнее становилась «канцелярия и балы high life'a <...>» [5,с.33].

Маркевич полемизировал с романом Чернышевского о «новых людях», он тоже не знал «что делать?» сильным, искренним и самоотреченным представителям дворянства в смутных общественно-политических условиях жизни. Завалевский постоянно думал об этом и задавался вопросом: «<...> неужели уходить, – уходить так рано?».. [5,с.43].

Энтузиазм, патриотизм Завалевского оказались сильнее и спасли его от, казалось бы, неизбежного пессимизма и в итоге – эгоцентризма. Как и Тургенев, Маркевич показал, что дворяне ощущали необходимость самоотречения во благо народа. Эгоцентричное отношение «лишних» людей к действительности строго осуждалось Тургеневым. По мнению писателя, «лишними людьми» следовало называть тех, кто «не умел на практике пожертвовать собою ради других» [1,с.9]. Он призывал дворянство к самоотвержению, отказу от сосредоточенности на собственном «я».

Оба писателя признавали, что самоотречение всегда тяжело и не приносит счастья. В поисках своего жизненного пути Завалевский принимает участие в Крымской войне. Поход приносит ему только мучения и страдания, поскольку он становится свидетелем «бездарности, распущенности, безобразного пьянства, казнокрадов, сжигавших на свечке сторублевые ассигнации, и рядом без сапог солдат, гибнущих в грязи непроходимых дорог, – всей той «мерзости и черноты неправды» <...>» [5,с.34]. Гнетущие, невыносимые условия русской действительности заставили его искать смерти как единственно верного решения проблемы. И не случайно автор пишет: «Им овладело отчаяние, ему хотелось скорее в бой, он жаждал неприятельского штыка, пули, ядра» [5,с.34]. Но судьба распорядилась иначе – «злокачественный тиф лишил его памяти, сознания окружавшего...»[5,с.34]. Маркевич считал, что уход представителей дворянства со сцены жизни обернулся бы исторической трагедией для России, стал бы ошибкой времени. Тургенев верил в жизнеспособность дворянства, призывая его гуманно относиться к народу.

Завалевский уезжает в Италию, чтобы восстановить свои духовные и физические силы. На примере графа Завалевского, который «весь ушел там в мир искусства, в мир древности, в тот обаятельный, вечно живой, вечно юный мир...», писатель подчеркивал высокую культуру, утонченность, чувство прекрасного в людях [5,с.34].

Маркевич наряду с Тургеневым проповедовал необходимость выполнения дворянами своего долга пред народом. Лаврецкий начал в имении «землю пахать», а Завалевский при первой вести об освобождении крестьян приехал на родину. Герой болезненно переживал за судьбу России, ожидая от реформы «сияния жизни» для народа. Но его постигло глубокое разочарование:

« <...> воскрешающее веяние свободы, та поднимающая сила жизни, которую с юности призывал наш «идеалист» всеми голосами души своей» отсутствовали [5,с.35].

Маркевич придавал большое значение воссоединению русских окраин: «И так: единые законы, единый язык, единое управление, как в центре империи, так и в окраинах – вот цель, к которой должно стремиться»[6,с.97]. Завалевский старался этому посодействовать, но все его предложения были отвергнуты. Действительность вновь заставляет героя почувствовать свою бесполезность и провоцирует в нем эгоизм. Завалевский замыкается в себе и снова уезжает в Италию, но не находит там «прежних восторгов, прежнего самозабвения» [5,с.37]. На примере Завалевского Маркевич упрекал отношение нигилистов к искусству как «аристократическому тунеядству» 36. Так, Завалевский, восхищаясь памятником Святому Марку, с грустью подумал: «Что двигало, что создавало все это, то уже никогда, никогда для человека не вернется! И для меня к этому уже нет возврата...»[5,с.37]. Душевные переживания героя были настолько сильны, что «нежданные, жгучие слезы выступили у него под ресницами»[5,с.37].

Маркевич и Тургенев видели в проблеме «лишнего человека» прежде всего трагедию нравственного, а не социального характера. Их интересовали нравственные причины появления «лишних людей». Маркевич с иронией называл их «коптителами неба», противопоставляя «лишних людей» нигилистам. Он призывал задуматься над вопросом: «А в наш реальный век – коптить небо ведь это такое страшное преступление, что в сравнении с ним родного отца зарезать – детская шалость. Не так ли?» [5,с.18] Нигилисты упрекали дворян в тунеядстве, а Маркевич их – в кровавых делах.

Писатели испытывали своих героев любовью. Счастье Лаврецкого «не было полно, оно было ложно», у Завалевского тоже не было духовной близости с возлюбленной. Первая любовь не принесла счастья ни Лаврецкому, ни Завалевскому, но подтолкнула их к общественной деятельности. Тургенев полагал, что «нравственное начало» дворян заключалось в исполнении гражданского долга. Лаврецкий задумался о судьбе крестьян, переосмыслил свою жизнь: «Оглянись, кто вокруг тебя блаженствует, кто наслаждается?» [7,с.139]. Писатель сомневался в способности представителей дворянства сочетать личное счастье с деятельностью во благо народа, хотя размышлял об этом: «Но Лиза не чета той: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, строгий труд, и мы пошли бы оба вперед к прекрасной цели» [7,с.99].

Пройдя путь разочарования в жизни, герой Тургенева приходит к мысли о необходимости трудиться: «Лаврецкий имел право быть довольным: он сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудиться не для одного себя; он, насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян» [7,с.163].

«Лишние люди» Тургенева находятся на распутьи: «Но что сказать о людях, еще живых, но уже сошедших с земного поприща, зачем возвращаться к ним?» [7,с.164].

Маркевич, полемизируя с Тургеневым, реализовал в романе мысль о сочетании личного счастья с практической деятельностью. Любовь возвратила Завалевскому веру в «человеческий дух», дала возможность почувствовать, что он «способен влиять, благотворно действовать на чужую душу...» [5,с.191]. Писатель обращался ко всем «лишним людям» того времени, призывая их творить добро: «Запрягись сам в плуг, говорил он себе теперь с каким-то невольным внутренним пафосом, – в молодых, непчатых душах прорезывай неизгладимые борозды любви и святых упований, и не ищи ничего иного, – «ты на земле совершил все земное»... О, если бы это все понимали, как понимаю теперь это я, – если бы по всем уголкам бедной моей родины такие же *беспольные* люди, как я, принялись за это *дело души*, за это *малое* – и бесконечно великое дело!» [5,с.191]. Если Лаврецкий буквально «пашет землю», то Завалевский стремится «запрячься в плуг» в переносном значении – сеять зерно любви в душах людей.

Великое чувство пробудило в Марине человеческую душу, благодаря любви к графу она переосмыслила всю свою жизнь и осознала ложность нигилистических учений. Маркевич возлагал на представителей дворянства миссию преобразования духовной жизни русского народа, для него было главным не материальное, а духовное богатство. В отличие от Тургенева, Маркевич возлагал на дворян обязанность вести просветительскую деятельность – «как долг старшего брата учить младшего...» [5,с.175]. Но первоначально «высшие сословия» должны были освоить «здоровое, органически правильное образование <...>» [5,с.175]. Союз экс-нигилистки Марины и «лишнего человека» Завалевского – идеал автора. Писатель верил во всемогущую силу искренней, настоящей любви. Человек, отдавший все свои силы на благое дело утверждения доброго начала в людях, должен гордиться своим подвигом и считать себя не «лишним», но «благодетельным» человеком. Маркевич надеялся, что появится новое поколение, которое, усвоив опыт предыдущих поколений, сможет противостоять лжеучителям и изменить общественный уклад в России. С точки зрения писателя, союз поколений, вечных и новых идеалов – это опора и надежда всей России.

Итак, Маркевич и Тургенев акцентировали внимание на социально-политических и нравственных причинах появления «лишнего человека». Тургенев подчеркивал эгоцентризм «лишних людей» и призывал дворян к самоотречению во благо народа. Писатель утверждал, что личное счастье возможно лишь тогда, когда выполнен долг перед народом. «Лишний человек» Тургенева – обреченный на одиночество дворянин, осознающий свою бесперспективность и сожалеющий о напрасно прожитой жизни. Маркевич возлагал на лучших представителей дворянства миссию просвещения, подчеркивал возможность сочетания личных и общественных интересов.

Писатель объяснял пассивность «лишних людей» влиянием внешней среды, отвергал эгоизм дворян как врожденный порок. «Лишний человек» Маркевича – активный деятель в борьбе с нигилизмом, стремящийся к возрождению духовных ценностей.

Литература

1. Антонова Г.Н. Проблема «лишнего человека» в творчестве И.С.Тургенева 40–50-х гг. XIX века: автореф. дисс. на соискание научной степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература»/ Г.Н.Антонова. – Саратов, 1965. – 27с.
2. Антонова Г.Н. «Лишний человек» в оценке Тургенева и Гернева в 40-е годы XIX века / Г.Н.Антонова // Научные доклады высшей школы. Филол.науки. – 1962. – №1(17). – С.108–117.
3. Батюто А.И. Антинигилистический роман 60–70-х годов / А.И.Батюто// История русской литературы: В 4 т. Т.3. Расцвет реализма / Н.И.Пруцков, М.Т.Пинаев, Л.М.Лотман и др.; [ред. тома Ф.Я.Прийма, Н.И.Пруцков]. – Л.: Наука, 1982. – С. 279–314.
4. Герцен А.И. Лишние люди и желчевики / А.И.Герцен // Собр.соч. в 30 т. Т.14. Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов / А.И.Герцен; [ред. Ю.Г.Оксман; текст и прим. подготов. Л.М.Долотова, М.А.Соколова]. – М., 1958. – С.317–326.
5. Маркевич Б.М. Марина из Алого Рога / Б. Маркевич. – М., 1873. – 218с.
6. Маркевич Б.М. Письма Б.М. Маркевича к графу А.К.Толстому, П.К.Щебальскому и др. / Б. Маркевич. – СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1888. – 369с.
7. Тургенев И.С. Дворянское гнездо. Отцы и дети. / И.С.Тургенев. – М.: Правда, 1984. – С.5–164.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собр. соч. в 15т. Т.IV. Статьи и рецензии 1856–1857 / Н.Г.Чернышевский; [ред. Б.П.Козьмин; подготов. текста и коммент. Н.М.Чернышевской]. – М., 1945. – С.696–708.

Анотація

У статті розглядаються шляхи вирішення проблеми «зайвої людини» в романах Б.М.Маркевича «Марина з Яскраво-червоного Рогу» та І.С.Тургенева «Дворянське гніздо». Поява «зайвих людей» була зумовлена соціальними та моральними причинами. В Тургенева «зайва людина» змушена бути самотньою заради блага народу. «Зайва людина» Маркевича здатна поєднати особисте щастя з турботою про народ.

Ключові слова: «зайва людина», соціальні та моральні причини, егоїзм, обов'язок.

Аннотация

В статье рассматриваются пути решения проблемы «лишнего человека» в романах Б.М.Маркевича «Марина из Алого Рога» и И.С.Тургенева «Дворянское гнездо». Появление «лишних людей» было обусловлено нравственными и социальными причинами. У Тургенева «лишний человек» обречен на одиночество во благо народа. «Лишний человек» Маркевича сочетает личное счастье с заботой о народе.

Ключевые слова: «лишний человек», социальные и нравственные причины, эгоцентризм, долг.

Summary

The article highlights the ways of solution the «unnecessary person's» problem in B.M.Markevich's novel «Marina from the Scarlet Horn» and I.S.Turgenev's novel «Nest of the noble family». Moral and social causes were the reasons of «unnecessary person's» appearance. «Unnecessary person» by Turgenev is condemned to be lonely to make welfare for people. «Unnecessary person» by Markevich can be happy himself and take care of people.

Key words: «unnecessary person», moral and social causes, selfishness, duty.

УДК 821.161.1

Н.К. Солошенко-Заднепровская

ОСОБЕННОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ ПУШКИНСКОГО «СЛОВА» В КНИГЕ Д. САМОЙЛОВА «ДНИ»

В интервью «Литературной газете», которое брала у Д. Самойлова И. Ришина, поэт признавался, что новый для него период начался книгой «Дни». Как отмечал В. Баевский, здесь произошел «поворот к преобладанию медитативной лирики, к психологической изощренности, к обобщениям философского характера. Будем помнить, что Самойлову несвойственны резкие сломы творческой манеры, для его поэтического пути характерна постепенная эволюция, неспешное перетекание одного качества в другое» [17, с. 127]. В 1972 г. в свет вышел сборник «Равноденствие», включавший стихотворения из прежних сборников, а в 1974 – «Волна и камень», один из лучших и «пушкинских» сборников стихов поэта. Но уже в «Днях» пушкинская тема и формы ее воплощения существенно изменились по сравнению с ранней поэзией. Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить особенности включения пушкинского «слова» в этой книге стихов поэта. К сожалению, до сегодняшнего дня эта тема оставалась, в сущности, вне поля зрения исследователей.